

САМОРЕФЛЕКСИЯ ЭМИГРАНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЙН РЭНД

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмигрантской составляющей в художественном творчестве американской писательницы и философа родом из России Айн Рэнд (Алисы Розенбаум). Гипотеза исследования заключается в том, что Айн Рэнд в текстах осуществляет саморефлексию себя как эмигранта. Автор выделяет две стадии саморефлексии Айн Рэнд как эмигранта в художественных текстах. Первый этап относится к периоду, когда Алиса Розенбаум только эмигрировала в США и для нее все еще были актуальны переживания, которые она и ее семья испытали после Октябрьской революции в России. Как отражение этих переживаний она пишет роман «Мы живые» (*We The Living*, 1936), который, как последовательно демонстрирует автор статьи, органично вписывается в эмигрантскую прозу так называемой «первой волны» (М. Алданов, И. Шмелев). Автор останавливается на более детальном сопоставительном анализе первого романа Айн Рэнд и романа другого русского писателя-эмигранта И. Шмелева «Солнце мертвых» (1923), обнаруживая схожесть художественных образов этих текстов, отразивших боль и переживания двух писателей-эмигрантов. Обладая разными идеологическими установками, Рэнд и Шмелев, тем не менее, очевидно сближаются в своем проживании травматического опыта Октябрьской революции. Второй этап эмигрантской саморефлексии Айн Рэнд – это период так называемых «американских романов», которые, как принято считать, не имеют ничего общего с русской действительностью. Однако в романах «Источник» (*The Fountainhead*, 1943) и «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*, 1957) обнаруживается пласт «эмигрантского» субтекста, включающего в себя аллюзию на советскую реальность, осмысленную писательницей в духе предупреждения американскому капитализму. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что художественные произведения Айн Рэнд – это сложное сочетание двух ментальностей, русской и американской, которое порождает новую художественную модель и перспективно в русле изучения в том числе и эмигрантской прозы. Результаты исследования могут применяться в практике преподавания высшей школы, в спецкурсах по литературе русского зарубежья. Методы исследования определяются его задачами и включают в себя традиционные в литературоведении биографический, культурно-исторический, социологический, сравнительно-исторический методы.

Ключевые слова: романы; саморефлексия; американская литература; американские писательницы; литературное творчество; писатели-эмигранты; русская литература.

Grigorovskaya A. V.
Tyumen, Russia

THE SELF-REFLECTION OF EMIGRANT IN AYN RAND'S ART WORKS

Abstract. The article is devoted to the research of exile elements in Ayn Rand's art works (the American writer and philosopher from Russia Alissa Rozenbaum). The hypothesis of the survey is in the fact that Ayn Rand in the texts takes the self-reflection as an emigrant. The author formulated two stages of Ayn Rand's reflection as an emigrant in the art works. The first stage encompasses the period when Ayn Rand freshly emigrated in the USA and the trauma of the October revolution was actual. As a reflection of this emotions she wrote the novel *We The Living* (1936) that (as the author of the article demonstrates gradually) fits organically in the exile literature of the first wave (M. Aldanov, I. Shmelev). The author concentrated on the more detail comparative analysis of Ayn Rand's first novel and the novel *The Sun of Deads* (1923) by another Russian emigrant writer I. Shmelev. The author discovered the familiarity of the art images in these texts that reflected the pain of both emigrants. Having different ideological opinions, Rand and Shmelev nevertheless are close to each other in the traumatic experience of the October revolution. The second stage of Ayn Rand's emigrant self-reflection is the period of "American novels" that (as it is believed) have no common with Russian reality. But in the novels *The Fountainhead* (1943) and *Atlas Shrugged* (1957) the layer of exile subtext is evolved. It contains the allusion on the Soviet reality comprehended by the writer as the warning to the American capitalism. As the result the author made the conclusion that Ayn Rand's art texts ate the complicated mix of two mentalities (Russian and American ones) that generates a new art model and is perspective for the research as an exile literature too. The results of the research can be used in the practice of teaching at higher school education, on the special courses about the literature of Russian abroad. The methods of the research are caused by its tasks and contains such traditional for the literary studies methods as biographical, cultural-historical, sociological, comparative-historical.

Keywords: novels; self-reflection; American literature; American writers; literary creativity; immigrant writers; Russian literature.

Для цитирования: Григоровская, А. В. Саморефлексия эмигранта в художественном творчестве Айн Рэнд / А. В. Григоровская // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 28–33. DOI: 10.26170/fk19-01-04.

For citation: Grigorovskaya, A. V. The Self-Reflection of Emigrant in Ayn Rand's Art Works / A. V. Grigorovskaya // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 28–33. DOI: 10.26170/fk19-01-04.

Айн Рэнд (1905–1982) – американская писательница и философ родом из России. Актуальность темы связана с тем, что творчество Айн Рэнд рассматривается в большинстве русских и зарубежных исследований как американский «продукт» [Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged 2009]. Однако Алиса Розенбаум (настоящее имя писательницы) родилась и обучалась в России, что является основанием для изучения ее текстов в русле «литературы русского зарубежья». Такие попытки предпринимались в США в ряде исследований [Rosental 2004; Sciabarra 2013], однако в России это поле недостаточно освоено.

Как отмечает В. Прищепа, у писателей первой волны русской эмиграции было три основные задачи: «1. Сохранить память о дореволюционной России и ее национальном самосознании, цивилизации и духовных ценностях. 2. Стремление влиять на общественную жизнь в Советской России, добиваясь политических перемен. 3. Осмысление трагического для человеческого опыта социалистической революции в России» [Прищепа <http>]. Айн Рэнд по праву можно отнести к первой волне русской эмиграции. Не приняв Октябрьскую революцию, она уехала в США в 1926 году, получив американское гражданство в 1931 году. Из названных выше задач литературы русского зарубежья она реализует в своем творчестве третью, а также косвенно – вторую.

Как отмечает В. В. Агеносов, писатели первой волны русской эмиграции стремились сохранить национальную идентичность и не были поборниками индивидуализма: «Русская идея соборности, слиянности человека с миром, обществом, природой, космосом в той или иной мере неизбежно присутствовала в их произведениях <...> Капитализм и западное общество с его бездуховностью и деячеством...не только не вызывали у них восторга, но напротив, воспринимались резко негативно» [Агеносов 1998: 6]. Айн Рэнд в этом смысле была и остается неким «космополитом», так как она проповедует индивидуализм, формулирует новую концепцию капитализма, но вместе с тем, как мы увидим далее, продолжает оставаться русской по своей ментальности.

При этом Айн Рэнд не относят к писателям-эмигрантам, так как она приняла американское гражданство и не разделяла так называемых «дореволюционных» ценностей: она была неким «космополитом», так как проповедовала индивидуализм, сформулировав новую концепцию капитализма, но вместе с тем, как мы увидим далее, продолжала оставаться русской по своей ментальности. Айн Рэнд не меньше, чем все остальные писатели-эмигранты, переживала свой опыт, связанный с Октябрьской революцией и косвенно, но повлияла на политическую ситуацию в России: сейчас, после распада СССР, формируется мнение, что Айн Рэнд даже предвидела современные события в России.

Алиса Розенбаум прожила часть своей жизни в России, большую из этой части – в городе Санкт-Петербурге (Петрограде). С 1918 по 1921 гг. семья Розенбаумов проживала на Украине и в Крыму (Евпатория). Об этом периоде ее жизни известно очень мало: она сожгла свой дневник той поры, а переехав в США, старалась не упоминать о жизни в России и Крыму (вероятно, опа-

салась за оставшуюся в России семью). Однако сейчас появляются работы, основанные на изучении архивных материалов [Никифорова, Кизилова 2012], проясняющие многое в этом вопросе, который до сих пор был освещен лишь в американской биографии писательницы авторства В. Branden [Branden 1986]. Именно крымский период, период «изгнания», по мнению Л. Никифоровой и М. Кизиловой, оказал огромное влияние на становление Алисы Розенбаум. С этим трудно не согласиться, ведь писательница получила там главную «прививку» против социализма, столкнувшись лицом к лицу с несправедливостью большевистской власти: «Два с половиной года жизни здесь дали будущей писательнице ярчайшие и нагляднейшие картины того, как в Крыму реализовывался главный догмат коммунистической доктрины – отрицание частной собственности: того, как повсеместно и беспощадно граждан ее лишали» [Никифорова, Кизилова 2012: 296].

В целом, творчество Айн Рэнд – случай реализации политической экономии «самооправдания», с интенциями «автотерапии» и «адаптации». Процесс осмысления Айн Рэнд своего «Я» как эмигранта можно разделить на два этапа.

Этап первый. Айн Рэнд выражает свой опыт Октябрьской революции в романе «Мы живые», которому предшествует киносценарий «Красная пешка» (*Red Pawn*, 1930). Оба произведения имеют схожий сюжет, однако в киносценарии действие происходит в тюрьме. В романе же, как отмечает Е. Merrill, вся Россия представлена как тюрьма [Merrill 1991: 30]. Автобиографические схождения между Айн Рэнд и ее героиней Киры Аргуновой неоднократно отмечались исследователями. Scott M. C. Connell, например, называет Айн Рэнд и Киру Аргунову «духовными близнецами» [McConnell 2004]. Обе ненавидели коммунизм, стремились покинуть Россию. Их общей формой эскапизма было голливудское кино, из которого Айн Рэнд, как и героиня, почерпнули материал для создания своей идеальной страны, образ которой обе проецировали на Соединенные Штаты Америки. При этом намерение Киры эмигрировать именно в США вообще не упоминается в романе прямо: в нем присутствуют лишь косвенные намеки на американскую культуру. Так, над кроватью Киры висит «изображение американского небоскреба» [Рэнд 2011: 43], а в кино показывают «ночной Нью-Йорк с его огнями, небоскребами, витринами» [Рэнд 2011: 140].

В. Branden, написавшая книгу об Айн Рэнд, вспоминает, что написание этого романа было для писательницы своеобразным «лечением» от тяжелых воспоминаний о России [Branden 1986: 5]. Воссоздавая один из самых трагических моментов российской истории, Октябрьскую революцию, она брала на себя большую ответственность, ведь на западе в те годы была сформирована идеалистическая картина Советского Союза. Большую роль в этом сыграл, например, Теодор Драйзер, написавший после поездки в Россию книгу «Драйзер смотрит на Россию» (и параллельно – другую, с говорящим названием «Трагическая Америка»).

Нужно заметить, что мало какой роман о жизни в России после Октябрьской революции, написанный эмигрантом, вызвал столько жарких споров. Многие

американские критики (в частности, газета *Cincinnati Times-Star*) написали, что Рэнд преувеличивает картины запустения, смерти, нищеты на страницах своего романа. При этом те писатели-эмигранты, которые так же, как и Айн Рэнд, выразили свою боль в романах об Октябрьской революции, «рисовали» портрет послереволюционной России точно такими же красками, используя те же самые метафоры и сравнения.

Так, в романах **М. Алданова** Россия представлена как умирающая страна. В своих поздних романах (трилогии «Ключ», «Бегство», «Пещера», 1929–1932; «Самоубийство», 1956) он рисует масштабную панораму событий революционного периода. Отличительной чертой «революционных» романов Алданова является целостная историософская концепция, которую формулирует писатель. Его интересует феномен революции сам по себе, как явление национальное и историческое (которую излагает, в частности, в книге диалогов «Армагеддон», 1917–1918).

Безусловно, понимание революции как историософского феномена у Алданова и Рэнд принципиально разное. Первый формулирует «философию случая», вторая – отрицает роль случая в истории. Однако поэтика их романов очень похожа, как и указание на причины, ее вызвавшие (чувство зависти). Метафора самоубийства России в огне революции присутствует и у Алданова, и у Рэнд. Тема смерти объединяет тексты обоих писателей-эмигрантов, выступая общим фактором осмысления феномена революции. Лучшие герои Алданова предпочитают покончить с собой, а героиня Рэнд борется до последнего, но все равно погибает. Неминуемая гибель всего живого – вот общая мысль двух писателей-эмигрантов.

Другой русский писатель, эмигрировавший вскоре после Октябрьской революции и воссоздавший свою картину событий той поры, – **Иван Шмелев**. В отличие от Айн Рэнд и Марка Алданова, Шмелев интересуется русской деревней, причем он сосредоточен в своих романах не только на человеке, но и на природе, на живых существах, что живут рядом с человеком. Восприняв Октябрьскую революцию весьма скептически, Шмелев в одном из своих писем скажет: «Из сложной и чудесной идеи социализма, идеи всеобщего братства и равенства... возможного лишь при новом совершенно культурном и материальном укладе жизни, очень отдаленном, сделали заманку – игрушку-мечту сегодняшнего дня – для одних, для массы, и пугало для имущих и вообще буржуазных классов» [Цит. по: Михайлов 1995: 241]. Одно из самых сильных произведений писателя о тяжелых революционных годах, – это роман «Солнце мертвых» (1923). Текст написан на основе крымских воспоминаний автора и представляет собой, по определению Шмелева, «эпопею». Айн Рэнд, как мы уже заметили, тоже имела опыт проживания в Крыму в годы революции, что также нашло отражение в ее первом романе.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность сопоставления двух столь идеологически различных авторов, как Айн Рэнд и И. Шмелев (первая отрицала христианство и относилась крайне скептически к «дореволюционным» ценностям, второй был верующим христианином и скорбел по утраченной царской Рос-

сии), два романа этих авторов на поэтическом уровне еще ближе между собой, чем романы Айн Рэнд и М. Алданова, которые сходятся между собой, скорее, в идеологическом смысле (у обоих сильна тема индивидуальности, частной собственности, «старая» Россия показана как капиталистическая страна).

Безусловно, роман Шмелева показывает более масштабную картину происходящего в пореволюционной России, чем роман Айн Рэнд (она, как и Алданов, сосредоточена в большей степени на жизни бывших предпринимателей, после 1917 года лишившихся своей собственности). Не зря сам Шмелев определяет жанр своей книги как «эпопея». Мы видим судьбы совершенно разных социальных сословий: это и печальная судьба интеллигентов Ивана Михайловича и Михаила Васильевича Игнатьева, и трагедия поэта Бориса Шишкина, и тяжелая участь простых людей – кровельщика Кулеша и рыбака Николая, и позорный конец предателей своего народа столяра и мародера Гришки Одарюка и др.

Перед читателем возникают органически взаимосвязанные между собой природа и человек, которые одинаково хотят жить и одинаково гибнут. Это органическое начало, безусловно, объединяет Рэнд с русской философской и литературной традицией. Смерть как состояние мира – так можно определить общее настроение всего романа Шмелева. «Образ гибнущего „живого“, который является одним из концептуально важных у И. С. Шмелева, складывается из трагического единства того, что создано *человеком* [курсив автора. – А. Г.] и что является основной его субъектной определенности, и природно-космических начал так называемого „божьего мира“» [Норина 2011: 121].

В произведениях Шмелева и Рэнд мертво все – даже неодушевленные предметы: «Смотрят в *пустой песок выбитыми глазами* дачи» [Шмелев 2005: 27]; «Словно *мертвые*, они [окна. – А. Г.] смотрели на *пустынную* улицу» [Рэнд 2011: 124]. Холод, смерть, разложение, пустота – всеми этими образами полны описания советского Ленинграда и умирающей крымской деревни у Рэнд и Шмелева. Закатное солнце, символизирующее Советскую Россию, описывается зловещим и холодным, «как *мертвая кровь*» [Рэнд 2011: 96]. У Шмелева «солнце как будто светит, но это *не наше солнце*... – подводный какой-то свет, бледной жести» [Шмелев 2005: 6]. Дома, словно «*мертвые*... смотрели на *пустынную* улицу» [Рэнд 2011: 124]; «Смотрит на нас *калека-дача* на пустыре, с *дохлой* клячей под сенью *вонючих* „уксусных“ деревьев» [Шмелев 2005: 104]. Улицы напоминали «*длинный серый тоннель*, в котором стояла *мертвая* тишина» [Рэнд 2011: 157]; «В парадном подъезде царил *мертвый сырой холод мавзолея*» [Рэнд 2011: 364].

Образ вши объединяет художественные структуры романов Шмелева и Рэнд. У обоих авторов он ассоциируется с Советской Россией. Доктор Михаила Васильич («Солнце мертвых») восклицает: «Всякая вошь дерзай смело и безоглядно. Вот оно, Великое Воскресение... вши! Нет, какова кривая-то?! победная-то кривая?! От обезьяны, от крови, от помойки – к высотам, к Богу-Духу... нисхождение, как с горы на салазках, ко вши, кровью кормящейся и на все с дерзновением ползущей!» [Шмелев 2005: 102]. Бывший революционер Тимошен-

ко («Мы живые») говорит о деградации России: «Было бы не так обидно, если бы нас победил могучий воин в стальных латах, огнедышащий дракон в человеческом обличье. Но победу над нами одержала вошь. Большая, толстая, медлительная белая вошь <...> Когда-то людьми правили ниспосылаемые Богом с небес гром и молния. Затем ими стал править меч. Сегодня людьми правит примус» [Рэнд 2011: 10]. Вошь – символ униженной и затравленной России. В романе Рэнд изображение «огромной белой вши» на плакате, призывающей к борьбе с тифом, встречает людей на вокзале Петрограда, знаменуя собой в образной форме постоктябрьскую Россию. Как отмечает В. В. Агеносов, образ вши является традиционным для русской литературы и имеет корни в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» («вошь я или человек?») [Агеносов 1998].

Как отмечает Н. В. Норина, Шмелев «по сути, создает трагическую модель мира, в котором все живущее Словом и свидетельствующее о нем подвергается бессмысленному уничтожению» [Норина 2011: 124]. Доктор в отчаянье восклицает: «Мы... распадаемся на глазах...и не сознаем! Да вы взгляните, взгляните... Умремте, скорей умремте... ведь ужасно теперь... теперь! сойти с ума! Ведь тогда мы не сумеем уйти... может не прийти в голову уйти! Будем живыми лежать в могиле, как теперь Прокофий!» [Шмелев 2005: 106]. Айн Рэнд называет свой роман «Мы живые», чтобы показать разницу между «извивающимися ничтожествами», «мертвенно-бледными, замерзшими тенями», как она называет тех, кто продался революции и «живыми», теми, кто, как ее главная героиня, всеми силами стремится остаться Человеком. Есть этот мотив и у Шмелева: автор-рассказчик на фоне всеобщей вакханалии, когда не то что животных не жалеют – даже людей едят – не трогает своих друзей: курочек, павлина и старую лошадь Лявру: «– Доктор, чем бы мне... кур поддержать? – Ку-ур? Как под-держать? Зачем – поддержать? Сжарить и съесть! со-жрать! У вас есть даже индюшка?! Почему ее еще никто не убил! Это живой нонсенс! Надо все сожрать – и уйти» [Шмелев 2005: 106–107]. «Сожрать и уйти» – это философия тех, кто затеял это массовое самоубийство. Понимание же Человека (в отличие от «нелюдей», которые устроили революцию) у Шмелева тесно связано с темой святости и жертвенности: каждый из героев мученически умирает в еще вчера живой России.

Причину человеческих страданий Шмелев «видит в отступлении от Бога» [Агеносов 1998: 96], в отличие от Айн Рэнд, которая причину революции усматривала, конечно, в потере русским обществом понятия «личность». Революция в романе «Солнце мертвых» описана с помощью характерной метафоры болезни: революционеры сравниваются с бактериями в теле еще живой России: «Ужас в том, – рассуждает доктор, – что они-то никакого ужаса не ощущают! Ну какой ужас у бактерии, когда она в человеческой крови плавает? Одно блаженство!.. И двоятся, и четвертятся, ядом отравляют и в яде своем плодятся! А прекрасное тело юного существа бьется в последних муках от какого-то подлого менингита!» [Шмелев 2005: 281]. В «Солнце мертвых» (1923) также упоминается «эксперимент» и отношение к нему Запада (А. Солженицын

называет это место в романе Шмелева «декламацией, хоть и верно по своей разоблачительности» [Солженицын 1998]): «Невысока колокольня ваша: с нее не видно. Покиньте свои почтенные кабинеты... Ступайте и досмотрите сами. Увидите не бумагу, засыпанную словами: увидите затекшие кровью живые души, брошенные в сор» [Шмелев 2005: 151]. Так и Кира Аргунова в романе «Мы живые», стоя в толпе на демонстрации в честь делегации британских профсоюзов, отчаянно хочет перебить главу Британского Профсоюзного Движения и сообщить ей и всем правду о «величайшем эксперименте», которым Англия так восхищается.

М. Алданов, И. Шмелев и Айн Рэнд равно скорбят по умирающей России. Если романы Алданова и Рэнд сосредоточены на жизни так называемых «лишенцев», интеллигенции, то Шмелев показывает жизнь разных слоев России – от простого мужика до врача. Если в «эмигрантских» романах Алданова и Шмелева остро чувствуется тоска по «ушедшей» России, их герои умирают на родине, то Кира Аргунова – альтер-эго Рэнд – стремится во что бы то ни стало покинуть «тюрьму» Советской России, что заканчивается также ее смертью от случайного выстрела пограничника на границе. Айн Рэнд так объясняла финал своего романа: «В России гражданин не может рассчитывать на отъезд или бегство. Отдельные беглецы – исключение...» [Рэнд 2012: 221].

Этап второй. «Американские» романы Айн Рэнд традиционно считаются «гимном» американскому капитализму, свободному предпринимательству, ничего общего с русской литературой не имеющим. Однако достаточно вспомнить тот факт, что ранняя «американская» повесть Рэнд «Гимн» (*Anthem*, 1938), воспевающая индивидуализм, написана Рэнд не без влияния романа Евгения Замятина «Мы». Как отмечает E. Merrill, сходства двух текстов очевидны (нарративная структура в форме дневника, главный герой имеет цифры в имени, отрицание тоталитаризма), однако текст Рэнд содержит важный элемент американской ментальности – качество лидера: «Her hero assigned as a street-sweeper, makes himself into a scientist. He is a leader, not a follower, in his rebellion...» [Merrill 1991: 57].

Создавая новую модель капитализма в США, Рэнд постоянно возвращается к критике уже знакомой ей системы социализма. В первом крупном «американском» романе «Источник» (*Fountainhead*, 1943) она персонифицирует образ социалиста в образе архитектурного критика Элсворта Тухи. Он является приверженцем идеалов коллективизма и альтруизма. В его книге «Проповедь в камне» очевидно узнаются агитки большевиков о «народности искусства»: «В предисловии автор подчеркивал, что книга является попыткой поставить архитектуру на то почетное место, которое ей принадлежит по праву, то есть в самую гущу народных масс» [Рэнд 2010: 84]. Подобные рассуждения можно найти в любой книге по теории искусства советского периода. Простой пример: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс» [Щеткин 1959: 11].

В романе также пародируется Союз архитекторов СССР. В том, что это именно идеологически «санкци-

онированная» организация, сомневаться не приходится. Историк архитектуры М. Г. Меерович отмечает относительно взглядов советского правительства на архитектуру как искусство: «Власть рассматривает архитектуру как систему деятельности, обслуживающую реализацию общегосударственных программ и „планов развития народного хозяйства“, а не как сообщество „творцов“, воплощающих собственные профессиональные фантазии <...> Партия убеждена, что художники, писатели, композиторы, архитекторы по сути своего труда ничем не отличаются от сталеваров, шахтеров, лесорубов, только продукт и средства труда у них иные. Поэтому их следует объединять в точно такие же производственные коллективы, как и железнодорожников, и металлургов – с такой же управленческой иерархией...» [Меерович 2017]. Эллсворт Тухи произносит на открытии «организации молодых архитекторов» слова об ответственности архитектора перед обществом в духе сталинских «пятилеток»: «Именно вы даёте человечеству прибежище. Запомните это, а затем взгляните на наши города. На наши трущобы, чтобы оценить гигантские задачи, стоящие перед вами» [Рэнд 2010: 280].

Всему этому противопоставляется непримиримый индивидуализм архитектора Говарда Рорка, который избегал разного рода сообществ и даже покинул архитектурный университет по причине нежелания идти на компромисс с современными архитектурными тенденциями, основанными на подражании. Думается, что в образе Говарда Рорка Рэнд воплотила один из этапов своего «идеального» человека, а популярность в США ему обеспечил именно непримиримый индивидуализм.

Второй «американский» роман Рэнд и вовсе может рассматриваться как зашифрованный текст о Советской России. «Атлант расправил плечи» – повествование о США, однако в американском тексте читается «русский субтекст». Более подробно этот вопрос исследует В. Rosenthal, которая указывает на советские аллюзии в последнем романе Рэнд [Rosenthal 2004]. Кризис производства, охвативший всю страну в романе, действительно, имеет много общего с экономическим коллапсом 1914–1917 гг. в России. Образы закрытых магазинов, всеобщее запустение то и дело упоминаются в тексте: «Главную улицу Маршвилла окаймляли черные окна магазинов. Все магазины дорогих вещей закрылись. Дагни содрогнулась, осознав, что те вещи, которые она сейчас назвала про себя дорогими и роскошными, прежде были доступны даже бедным. Закрылись магазины бытовых электроприборов, автозаправочные станции, закулочные, „центовки“. Работали лишь бакалейные лавки да питейные заведения» [Рэнд 2009: 220]. Описание улиц США поразительно напоминает панораму Советской России в первом романе писательницы. Подобно И. Шмелеву, описывающему в романе «Солнце мертвых» здания как живые существа, лишенные глаз, Рэнд рисует страшные картины запустения: «Здание казалось невредимым, как мерт-

вое тело в первые часы, когда невольно ждешь, что неживые глаза вот-вот откроются снова» [Рэнд 2009: 5]. Описание паники, толп перепуганного народа, переполненные поезда – все эти картины вновь отсылают нас к дебюту писательницы, ее роману «Мы живые».

При этом именно в последнем своем тексте Рэнд находит некий выход из своей «системы». Это Атлантида, загадочная страна, которая находится в так называемом ущелье Джона Голта. Если обратиться к истокам этого образа, то выясняется, что Атлантида ассоциируется с Америкой у Фрэнсиса Бэкона («Новая Атлантида»). «Эмигранты» Бэкона – это ученые, изобретатели, интеллектуалы, которые попали в Бенсалем как «лучшие из лучших».

Феномен идеализации Америки как страны равных возможностей подробно рассматривается в монографии А. Арустамовой. В частности, она отмечает относительно еврейской эмиграции в США в конце XIX – начале XX вв.: «Массовое переселение в США воспринимается как исход, стремление евреев в землю обетованную» [Арустамова 2008: 467]. Тут, конечно, следует вспомнить, что Рэнд родилась в еврейской семье, поэтому феномен еврейской эмиграции имеет к нашей теме прямое отношение. Арустамова упоминает еврейские тексты указанного периода, в которых Америка становится мифологемой «рая на земле».

Можно сказать, что творчество Айн Рэнд – это случай, когда интеграция «русского» в «американское» продуцирует новую модель художественного мира. Как видим, рефлексия эмигрантской темы в ее творчестве отнюдь не исчерпывается первым романом о Советской России. В ее «американских романах» имплицитно «сквозят» образы советского прошлого. Однако этот художественный процесс осуществляется ею на «американской» почве индивидуализма и капиталистических интенций. В результате мы имеем дело с совершенно новым художественным явлением, которое по происхождению является русским, однако испытало значительное влияние американской ментальности. При этом Америка в текстах Рэнд идеализируется, становясь вариантом Атлантиды в ее художественной системе. По сути, мы можем говорить о некоей форме условно-метафорической прозы: внешне американские, ее романы наполнены «русским» субтекстом.

Место Айн Рэнд в ряду русских писателей-эмигрантов до сих пор не определено, но можно понять, что художественная структура ее первого романа во многом близка эмигрантским романам, посвященным событиям Октябрьской революции. Ее «американские» романы во многом продолжают тему, заявленную в дебютном романе – критику социализма, отвлечение к которому сформировалось у писательницы именно после событий Октября, свидетельницей которых она была. Изучение творчества Айн Рэнд, безусловно, перспективно с точки зрения ее вклада в эмигрантскую литературу, поскольку позволяет показать новый вариант развития русского эмигрантского романа.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеносов В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Terra Спорт, 1998. – 543 с.
- Арустамова А. А. Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект: монография. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – 395 с.
- Меерович М. Г. Союз советских архитекторов СССР. Предыстория создания и начальный период существования // Архитектон: известия вузов. – 2017. – № 2. – С. 1–24.
- Михайлов О. Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.
- Никифорова Л., Кизилова М. Крымский период в жизни американской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) // Judaica Ukrainica. – 2012. – № 1. – С. 287–313.
- Норина Н. В. Трагическое состояние мира в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25. – С. 119–125.
- Прищепа В. П. Литература русского зарубежья [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – Режим доступа: http://www.russofile.ru/articles/article_90.php.
- Рэнд А. Атлант расправил плечи: в 3 ч. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2009. – Ч. 2. – 424 с.
- Рэнд А. Источник: в 2 кн. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – Кн. 1. – 453 с.
- Рэнд А. Мы живые. – М.: Альпина Паблишерз, 2011. – 473 с.
- Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике / под ред. Р. Мэйю. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 282 с.
- Солженицын А. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых». Из «Литературной коллекции» [Электронный ресурс] // Новый мир. – 1998. – № 7. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/dnpisat-pr.html.
- Цеткин К. Воспоминания о Ленине. – М.: Госполитиздат, 1955. – 72 с.
- Шмелев И. С. Солнце мертвых. – М.: ДАРЪ, 2005. – 352 с.
- Branden B. The Passion of Ayn Rand. – N.-Y.: Doubleday&Company, 1986. – 442 p.
- Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books. – 516 p.
- McConnell S. Parallel Lives: Models and Inspirations for Characters in We The Living // The Essays on Ayn Rand's We The Living / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books, 2012. – P. 45–64.
- Merrill R. E. The Ideas of Ayn Rand. – N.-Y.: Carus Publishing Company, 1991. – 212 p.
- Rosenthal B. G. The Russian Subtext of «Atlas Shrugged» and «The Fountainhead» // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2004. – № 1. – Vol. 6. – P. 195–225.
- Sciabarra C. M. Ayn Rand. The Russian Radical. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013. – 477 p.

Данные об авторе

Григоровская Анастасия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень).
Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

REFERENCES

- Agenosov V. Russian literature abroad (1918–1996). – M.: Terra Sport, 1998. – 543 p.
- Arustamova A. A. Russian-American dialogue of the XIX century: the historical and literary aspect: monograph. – Perm: Perm State University, 2008. – 395 p.
- Meerovich M. G. Union of Soviet Architects of the USSR. The history of creation and the initial period of existence // Architecton: university news. – 2017. – № 2. – P. 1–24.
- Mikhailov O. Russian literature abroad. – M.: Prosveshcheniye, 1995. – 432 p.
- Nikiforova L., Kizilov M. Crimean period in the life of American writer Ayn Rand (Alice Rosenbaum) // Judaica Ukrainica. – 2012. – № 1. – P. 287–313.
- Norina N. V. The tragic state of the world in the “Sun of the Dead” I. S. Shmeleva // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2011. – № 25. – P. 119–125.
- Prishchepa V. P. Russian literature abroad [Electronic resource]: study guide. – Mode of access: http://www.russofile.ru/articles/article_90.php.
- Rand A. Atlas Shrugged: in 3 p. – M.: Alpina Business Book, 2009. – P. 2. – 424 p.
- Rand A. The Fountainhead: in 2 books. – M.: Alpina Publishers, 2010. – Book 1. – 453 p.
- Rand A. We The Living. – M.: Alpina Publishers, 2011. – 473 p.
- Rand A. Answers: On Ethics, Art, Politics and Economics / edited by R. Meyu. – M.: Alpina Publishers, 2012. – 282 p.
- Solzhenitsyn A. Ivan Shmelev and his “Sun of the Dead”. From the Literary Collection [Electronic resource] // New World. – 1998. – № 7. – Mode of access: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/dnpisat-pr.html.
- Zetkin K. Memories of Lenin. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 72 p.
- Shmelev I. S. Sun of the Dead. – M.: DAR, 2005. – 352 p.
- Branden B. The Passion of Ayn Rand. – N.-Y.: Doubleday&Company, 1986. – 442 p.
- Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books. – 516 p.
- McConnell S. Parallel Lives: Models and Inspirations for Characters in We The Living // The Essays on Ayn Rand's We The Living / edited by R. Mayhew. – N.-Y.: Lexington Books, 2012. – P. 45–64.
- Merrill R. E. The Ideas of Ayn Rand. – N.-Y.: Carus Publishing Company, 1991. – 212 p.
- Rosenthal B. G. The Russian Subtext of “Atlas Shrugged” and “The Fountainhead” // The Journal of Ayn Rand Studies. – 2004. – № 1. – Vol. 6. – P. 195–225.
- Sciabarra C. M. Ayn Rand. The Russian Radical. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013. – 477 p.

Author's information

Grigorovskaya Anastasiya Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University (Tyumen).